

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

—

I.

Во время Персидской кампаніи, при осадѣ Аббасъ-Аббада, когда Русскіе уже во многихъ мѣстахъ разгромили крѣпостную стѣну и въ одномъ изъ бастіоновъ пробили брешь, Аббасъ-Мирза, предводительствуя шестнадцати-тысячнымъ корпусомъ, спѣшилъ на помощь гарнизону, и стоялъ въ виду нашего авангарда, въ укрѣпленной позиціи при Чорчѣ. Партіи Персіянъ начали появляться за Араксомъ. Надлежало предупредить намѣреніе непріятеля; почему командовавшій Русскими войсками, генералъ-адъютантъ Паскевичъ, оставивъ часть ихъ у крѣпости Нахичевана, для прикрытія баттарей, лагеря и обозовъ, выступилъ навстрѣчу Аббасъ-Мирзѣ съ

нѣсколькими орудіями Донской артиллеріи, восемью баталіонами пѣхоты и всею конницею, состоявшею изъ 2-й Уланской дивизіи, Нижегородскаго Драгунскаго и Казачьихъ полковъ. По его приказанію былъ устроенъ чрезъ Араксъ мостъ на *бурдюкахъ* (воловьихъ шкурахъ, наполненныхъ воздухомъ). Пѣхота перешла по этому мосту и завязала дѣло. Артиллерія и кавалерія переправились въ бродъ, но бродъ этотъ не походилъ на броды обыкновенные: Араксъ, широко разлившійся, былъ довольно глубокъ и быстръ.

Впереди всѣхъ перешелъ въ бродъ взводъ Донской № 3-го батареи. Орудія, везомыя почти плывшими лошадьми, катились на своихъ лафетахъ по дну Аракса; на поверхности воды были видны одни правѣла ихъ; вслѣдъ за орудіями пустились уланы 2-й дивизіи, держа въ рукахъ заряды, которые артиллеристы вынули изъ ящиковъ и передали имъ.

Не прошло четверти часа, какъ артиллерія была уже на другой сторонѣ Аракса, и не смотря на крутизну берега, какъ бы соколомъ на него взлетѣла и понеслась на позицію. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, перешедшихъ по дну Аракса, и дружная атака кавалеріи, заставили Персіянъ отступить къ главнымъ своимъ силамъ.

II.

Въ 1828 году мы брали Ахалцыхъ; въ рукахъ

непріятеля оставались уже только два городскіе ба-
стіона № 1-й и № 2-й. Последний бастіонъ,
находясь на значительной высотѣ, наносилъ боль-
шой вредъ нашимъ войскамъ, почему было прика-
зано: во чтобы ни стало, заставить его замолчать;
для этого придвинули къ нему два орудія 1-го взво-
да Донской № 3-го батареи, состоявшей подъ
командою сотника Шумкова. Орудія эти стали въ
разстояніи отъ палисада ближе чѣмъ на шестьде-
сятъ сажень. Казаки-артиллеристы, не смотря на
пули и картечи, которыми ихъ осыпали Турки изъ
бастіона, начали свое дѣло быстро, хладнокровно,
безъ замѣшательства; но, чтобы менѣе подвергаться
непріятельскимъ выстрѣламъ, принуждены были за-
ряжать орудія, и стрѣлять изъ нихъ, почти лежа.
Это подало поводъ ко многимъ шуткамъ и
остротамъ, сопровождавшимся непринужденнымъ
смѣхомъ. Глядя на этихъ весельчаковъ, можно было
скорѣе подумать, что они находились на обыкно-
венномъ ученіи, а не штурмъ подъ смертоноснымъ
огнемъ.

Въ числѣ артиллеристовъ былъ казакъ Стариковъ,
считавшійся въ своемъ взводѣ первымъ весельча-
комъ и плясуномъ.

«Ну-ко, Стариковъ, ты вездѣ щеголялъ передъ
нами своими плясками; покажи-ка теперь свою
удаль, попляши здѣсь подъ Турецкую музыку!»
сказалъ Старикову одинъ изъ артиллеристовъ, заря-
жавшихъ орудіе.

— Велика удаля, возразилъ Стариковъ! Да я задамъ выпляску на лафетъ, чтобы *Турская* сила мной полюбовалась!

Сказавъ это, мигомъ вскочилъ на лафетъ орудія, заломилъ круче на бекрень свою шапку, порасправилъ усы, подперъ руки въ бока, и началъ выдѣлывать, на крышкѣ ящика, находившагося между станинами (*), разныя колѣна Донскаго казачка, припѣвая:

Казаченько, казачокъ,
Казакъ миленькій дружокъ!

Товарищи, видя удаля Старикова, хлопая въ ладоши, кричали ему: «Ай да Стариковъ! молодецъ! вотъ ужъ плясунъ, такъ плясунъ!... не уронилъ себя, потѣшилъ и насъ! Спасибо, братъ, спасибо!»

Ободряемый такими лестными восклицаніями товарищей, Стариковъ гаркнулъ свою пѣсню громче и намѣревался, по-видимому, пуститься въ присядку, какъ въ это самое мгновеніе Турецкая пуля пробила его молодецкую грудь, и онъ грянулся съ лафета.

— Проклятые басурманы и доплясать-то не дали! Такъ я же вамъ!... воскликнулъ пробитый навывлетъ пулею Стариковъ, и съ этими словами приподнялся на колѣни, подползъ къ орудію, вырвалъ изъ рукъ своего товарища пальникъ, и приложилъ его

(*) Нынѣ во всей полевой артиллеріи они уничтожены.

къ трубкѣ: грохнулъ выстрѣлъ, и картѣчь влѣпилась въ самую амбразуру бастіона.

— Прошу не прогнѣваться! сказалъ Стариковъ и, упавъ навзничъ, испустилъ послѣдній вздохъ.

Донцы, кипя мщеніемъ за смерть лихаго своего товарища, еще дружнѣе принялись за работу, и вскорѣ бастіонъ № 2-й замолкъ.

III.

Во время того же штурма (15-го августа 1828 года), баталіону 42-го Егерскаго полка, и 4-му взводу Донской батареи приказано было ворваться въ Ахалцыхъ, правѣе бреши, что и было выполнено съ успѣхомъ. Донцы, ворвавшись въ городъ при помощи егерей, срубили палисадъ, изъ котораго сдѣлали наскоро мостъ чрезъ ровъ, и затѣмъ встали свои орудія на сакли, откуда начали поражать непріятеля, который, въ свою очередь, защищался отчаянно. Тучи Турецкихъ пулъ рѣшили лафеты, клеймили орудія и валили ничѣмъ не прикрытыхъ артиллеристовъ; но мѣтко посылаемая поочередно изъ двухъ орудій картѣчь держала Турокъ въ почтительномъ отдаленіи. Вдругъ крыша сакли, не выдержавъ тяжести, рухнула и лафетъ пушки опустился въ саклю почти до самаго клина: пришлось дѣйствовать изъ единого рога. Между-тѣмъ Турецкія пули успѣли уже перебить столько артил-

леристовъ, что едва доставало ихъ и для дѣйствовавшего орудія. Рѣдкіе выстрѣлы изъ единого рога, вѣроятно, дали поводъ непріятелю заключить, что взводъ ослабѣлъ въ надлежащемъ своемъ дѣйствиіи, почему нѣсколько десятковъ Турокъ, бѣжавшихъ вереницею по саклямъ съ правой стороны взвода, бросились на едва дѣйствующее орудіе.

Взводный командиръ, видя все это и считая рѣшительно невозможнымъ, съ восемью человѣками оставшихся артиллеристовъ, отбить значительнаго числомъ непріятеля, и отстоять свои орудія, вскричалъ:

«Ребята! неужели придется намъ разстаться съ нашими друзьями? А вѣдь больно: три года вѣрно, неизмѣнно они съ нами служили!»

— Какъ. ваше благородіе! Намъ разстаться съ нашими родными пушками? ... отдать ихъ поганымъ басурманамъ? Нѣтъ! не бывать тому! вскричалъ казакъ Кундрюковъ, выхватывая изъ ноженъ саблю.

«Не бывать тому, ваше благородіе! подхватилъ другой казакъ, Григорій Силкинъ. Да мы въ пухъ и въ прахъ размечемъ эту сволочь! Умремъ, а не отдадимъ ихъ! Позвольте намъ, ваше благородіе, хоть предъ концемъ жизни, поподчивать саблями этихъ гололобыхъ!»

Офицеръ махнулъ рукою, хотя тяжело ему было подвергать опасности своихъ храбрыхъ подчиненныхъ, которые безропотно, припѣвая, переносили съ нимъ труды и нужду боевой жизни, и хладно-

кровно и безъ страха смотрѣли въ глаза часто встрѣчавшейся смерти!...

Между тѣмъ, съ крикомъ: «ура въ сабли!» артиллеристы неслись уже за Кундрюковымъ и Силкинымъ навстрѣчу Туркамъ. Тѣ, увидѣвъ восемь человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ, быстро несущихся, остановились и, вѣроятно думая, что за этими восемью выскочить еще сотня такихъ же отчаянныхъ молодцевъ, не разсуждая долго, показали тылъ.

Казакъ, въ свою очередь, немедленно возвратился къ орудіямъ, и, не желая получить въ другой разъ подобное посѣщеніе, зажгли сакли, находившіяся съ правой стороны отъ орудій; подоспѣвшіе же къ нимъ егеря помогли стащить орудія съ крыши сакли за ровъ. Но, увы, взводный командиръ изъ всего своего взвода насчиталъ на лицо только шесть человѣкъ, въ томъ числѣ Кундрюкова и Силкина: остальные заплатили свой долгъ отечеству. Да будетъ миръ праху вашему, храбрые сыны Дона!

Предоставляю читателю выразить то чувство, съ какимъ взводный командиръ прижалъ къ груди своихъ спасителей, высокаго, широкоплечаго, дюжаго Кундрюкова и молодаго, всегда казавшагося робкимъ, двадцатилѣтняго Силкина.

Если лихіе Кундрюковъ и Силкинъ еще живы, то желалось бы мнѣ, чтобъ имъ прочли эти строки. Пусть онѣ, напомнивъ имъ геройскій подвигъ, покажутъ, что онѣ не только не забыть, но до сихъ

поръ цѣнится, и долженъ до конца жизни цѣниться тѣмъ, передъ глазами кого былъ совершенъ.

IV.

Вскорѣ послѣ взятія Эрзерума, 25-го іюля 1828 года, графъ Паскевичъ-Эриванскій прибылъ въ Байбуртъ, и въ тотъ же день произвелъ рекогносцировку, за десять верстъ, въ виду сильныхъ непріятельскихъ карауловъ. Непріятель, состоявшій изъ воинственныхъ горныхъ племенъ, занималъ нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней крайности. 26-го числа, графъ атаковалъ главнѣйшую изъ этихъ деревень — Хартъ, гдѣ считалось до пяти сотъ каменныхъ домовъ, прикрытыхъ шанцами и башнями. Горцы были окружены и сбиты на всѣхъ пунктахъ; но наступившая ночь заставила отложить до другаго дня окончательное пораженіе непріателя.

На большой дорогѣ, ведущей изъ Харта въ горы, поставленъ былъ 4-й взводъ Донской баттарей и Нижегородскій Драгунскій полкъ, чтобы непріятель не могъ уйти изъ деревни въ ущелье. Ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ нельзя было различить человѣка. Нѣкоторые изъ артиллеристовъ лежали около своихъ орудій, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ, а болѣе о своемъ тихомъ Донѣ и о родныхъ своихъ станицахъ, съ которыми они были уже

давно въ разлукѣ; другіе же, по врожденной казаку бдительности, бродили около орудій, стараясь сквозь темноту ночи что нибудь высмотрѣть. — Въ числѣ послѣднихъ былъ извѣстный уже читателямъ Кундрюковъ. Онъ особенно былъ неспокоенъ: то таращилъ глаза въ ту сторону, гдѣ лежала деревня Хартъ, то, отворотя отъ нея голову, внимательно прислушивался.

«Слышите, братцы, сказалъ онъ стоявшимъ подлѣ него казакамъ: вѣдь это непріатель!»

— Что ты городишь, Кундрюковъ, не можетъ быть — отвѣчалъ ему одинъ изъ товарищей.

«Ну, ужъ нѣтъ! Чутьемъ чую вражью силу!» Съ этими словами Кундрюковъ побѣжалъ къ взводному своему командиру, сидѣвшему на лафетѣ орудія.

«Ваше благородіе! къ намъ непріатель жалуется; прикажете стрѣлять!»

— Съ чего ты взялъ, братецъ?

«Извольте прислушаться сами, ваше благородіе, право-слово непріатель.»

Офицеръ соскочилъ съ лафета, и вышелъ за орудіе. Дѣйствительно, впереди были слышны шорохъ и движеніе; но темнота рѣшительно не позволяла ничего видѣть.

— Да, твоя правда, Кундрюковъ, точно слышится

какой-то шумъ; но это должно быть идутъ наши мусульмане (*).

«Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе; зачѣмъ нашимъ мусульманамъ идти съ той стороны? утверждалъ Кундрюковъ: это непріятель; прикажите хоть разъ выстрѣлить!»

— Нѣтъ, стрѣлять-то, любезный, я не прикажу; неравно ошибемся и встревожимъ понапрасну весь корпусъ.

«Власть ваша, но я головою отвѣчаю, что это непріятель! — Позвольте намъ, ваше благородіе, встрѣтить ихъ хоть банниками.»

— Ну, пожалуй, можно, потѣштесь! Только, смотри, осторожнѣй, безъ гвалту!

«Будьте покойны, ваше благородіе!

Офицеръ не успѣлъ воротиться къ орудію и отдать приказанія, какъ Донцы, вооруженные банниками, пыжевниками, палыниками и другою артиллерійскою принадлежностью, предводительствуемые Кундрюковымъ, полетѣли навстрѣчу невѣдомому, скрытому въ темнотѣ непріятелю.

Раздался шумъ, гулъ, стонъ; все это мѣшалось съ Русскими и мусульманскими восклицаніями, но слышнѣ всего былъ голосъ Кундрюкова, кричавшаго: «Проклятые! хотѣли насъ провести. Да развѣ мы тетерева или глухари какіе! Такъ вотъ же вамъ,

(*) Такъ, назывались три полка, составленные изъ жителей Грузіи.

окаянные! Бей ихъ, ребята! Не давай имъ пощады!»

Не прошло десяти минутъ, какъ уже было слышно, что непріятель пустился назадъ, не сдѣлавъ, къ удивленію, ни одного выстрѣла. На мѣстѣ этой рукопашной сшибки осталось тридцать непріятельскихъ труповъ, изъ казаковъ же не было даже ни одного раненаго. Оказалось, что это были горцы изъ Харта; видя невозможность устоять противу Русскихъ, они рѣшились выбраться тайкомъ въ горы; но въ темнотѣ наткнулись на орудія, гдѣ артиллеристы угостили ихъ не слишкомъ привѣтливо — банниками и пыжевниками.

V.

Расказавъ выше подвигъ Григорія Силкина, кстати опишу еще одинъ случай, который можетъ служить новымъ доказательствомъ безстрашія, хладнокровія и самоотверженія этого казака.

По окончаніи Персидской кампаніи, зимою 1828 года, я и есауль А — въ, получивъ увольненіе въ домовую отпустку, возвращались на Донъ чрезъ Владикавказъ къ Екатериноградской станицѣ, съ слѣдовавшею туда командою. Мы остановились на привалѣ. Есауль А — въ страстно любилъ охоту: находившійся при мнѣ драбантомъ Григорій Силкинъ также былъ изъ любителей погоняться за зайцами.

Вотъ онъ и началъ поддѣлываться къ есаулу, чтобы выманить его на охоту.

«Судя по мѣсту, здѣсь, ваше благородіе, должно быть много водится и зайцевъ, и лисицъ, да какихъ еще, чернобурыхъ, сказалъ Силкинъ есаулу. Что бы вамъ, ваше благородіе, пока команда-то отдыхаетъ, отправиться на поискъ хоть какого нибудь *косова*, да и мнѣ кстати позвольте попробовать мою собаченку: она, кажись, изъ доброй породы; я ее изъ-за Тавриза везу.»

— А что, и въ самомъ дѣлѣ, отправимся, Силкинъ, отвѣчалъ есаулъ.

Они немедленно собрались, и отправились въ лѣсъ; къ нимъ присоединился и я. Выѣхавъ на долину, есаулъ и Силкинъ выслѣдили зайца и маршъ за нимъ; а я, слѣзши съ коня, началъ любоваться окружающими меня видами дивной Кавказской природы. Между тѣмъ есаулъ и Силкинъ, преслѣдуя зайца, значительно отъ меня удалились. Вдругъ, взглянувъ направо, я увидѣлъ, что шесть Черкесовъ, выскочивъ изъ лѣса, несутся прямо на моихъ охотниковъ. Я скорѣй на коня, и давай имъ кричать: «Черкесы! Черкесы!...» Но ни есаулъ, ни Силкинъ меня не слышали. Дѣлать нечего, я далъ шпоры, и поскакалъ къ нимъ, не переставая кричать; наконецъ они оглянулись и, увидѣвъ непріятеля, бросились въ противоположную отъ Черкесовъ сторону и соединились со мною.

Проскакавъ долину, мы достигли дороги. Черкесы

были у насъ за плечами, и намъ не оставалось ничего другаго, какъ вступить съ ними въ довольно неравный бой: но въ это самое время показались пики нашей команды, и мы во всю прыть пустились къ ней. Черкесы, пославъ вслѣдъ нѣсколько не совѣмъ ласковыхъ привѣтствій, возвратились въ лѣсъ.

— Что, Силкинъ, поди-ка, ты порядкомъ струхнулъ, когда Черкесы, словно зайцевъ, насъ пугнули? сказалъ, смѣясь, есаулъ А — въ.

«Напрасно обижаете, ваше благородіе, я и не отъ такой сволочи врядъ бы струсилъ.»

— Хвастаешь, братъ! возразилъ есаулъ.

«Никакъ нѣтъ-съ, а можетъ когда нибудь прійдется и на дѣлѣ показать вашему благородію, что я не трусливаго десятка!» отвѣчалъ Силкинъ, и яркая краска выступила у него на щекахъ.

Случай не замедлилъ представиться, и Силкинъ доказалъ справедливость словъ своихъ на дѣлѣ.

На другой день, когда расположились на привалѣ, есаулу, мнѣ и Силкину вновь пришла охота погоняться за зайцами. Сказано, сдѣлано; мы втроемъ отправились къ находившемуся недалеко отъ дороги перелѣску. На этотъ разъ есаулъ и Силкинъ были счастливыѣ: имъ удалось затравить зайца; соскочивъ съ лошадей, они побѣжали отнимать свою добычу изъ острыхъ зубовъ собаки Силкина. Въ это самое мгновеніе показалась изъ лѣсу, въ раз-

стояніи отъ насъ не болѣе трехъ четвертей версты, толпа Черкесовъ, которые, сколько могли мы судить по ихъ движеніямъ, готовились, такъ сказать, *ослѣтить* насъ и схватить живьемъ.

— Плохо, братцы, скорѣе на коней, вскричалъ есаулъ, забывъ въ это время и своего зайца.

Эхъ ихъ сколько высынаетъ, закричалъ Силкинъ, и сталъ преспокойно считать появившихся, одинъ за другимъ, Черкесовъ.

«Одинъ, два, три... пять... десять... двадцать... двадцать одинъ!»

— Что ты дѣлаешь, Силкинъ? кому нужны твои счеты, вскричалъ есаулъ: на коня, да и маршъ!

«Сейчасъ, ваше благородіе, сейчасъ!... двадцать пять... тридцать... тридцать пять... тридцать шесть... тѣфу ты пропсать, тридцать шесть — на троихъ! Храбрецы, нечего сказать!»

— Я же тебѣ говорю, Силкинъ, на коня! Или у тебя тридцать шесть головъ на плечахъ! кричалъ есаулъ, подтянувъ подпруги и вскочивъ на коня.

«Позвольте, ваше благородіе, хотъ зайца-то взять; не оставитъ же его татарскому племени на *шашлыкъ*.» Силкинъ подбѣжалъ къ брошенному собакою полуживому зайцу, добилъ его нагайкою, тщательно привязалъ къ сѣдлу своей лошади, и потомъ началъ ловить свою собаку. Видя, что горцы къ намъ приближаются, я въ нетерпѣніи крикнулъ Силкину, чтобъ онъ бросилъ своего «Трезора» и скорѣе сѣлся на лошадь.

«Сейчасъ, ваше благородіе; какая нужда покидать бѣдную собачку въ сторонущкѣ басурманской?» Съ этими словами онъ поймалъ своего «Трезора» и съ нимъ, безъ торопливости, вскочилъ на сѣдло.

Боясь съ разу утомить лошадей, мы начали свое движеніе рысью. Черкесы преслѣдовали насъ тоже рысью, вѣроятно опасаясь наткнуться на скрытую засаду. Пробѣжавъ нѣсколько минутъ слегка, мы стали ускорять свой бѣгъ. Черкесы послѣдовали нашему примѣру. Между тѣмъ есаулъ началъ отставать; я и Силкинъ не обращали сначала на это вниманія, но оглянувшись черезъ нѣсколько времени, увидѣли, что есаулъ уже бѣжитъ пѣшкомъ, подгоняя нагайкой свою лошадь, которая, по старости своей, не имѣла и обыкновеннаго бѣга. Черкесы же, замѣтивъ это, прибавили рыси. Не смотря на опасность своего положенія, мы должны были задержать своихъ лошадей, чтобы помодать есаула. Увидѣвъ, что мы остановились, онъ закричалъ: «не стойте, друзья мои, Черкесы близко! впередъ, ради Бога впередъ! Не умирать же вамъ изъ за меня! Спасайте себя, а со мною что будетъ, то будетъ.

— Какъ можно, ваше благородіе! Умирать такъ ужъ умирать вмѣстѣ, возразилъ Силкинъ, и не медленно повернулъ лошадь на встрѣчу есаулу.

«Спасибо, Гриша, за усердіе! Но, Бога ради, не мѣшай; видишь, Черкесы прибавили рыси!»

— Да пѣтъ, ваше благородіе, нельзя! Извольте

скорѣ сѣсть на мою лошадь, «Трезорку» только не оставьте!

Не смотря на всѣ убѣжденія, есаулъ не согласился принять предложеніе Силкина.

— Такъ ужъ въ такомъ случаѣ хватайтесь, ваше благородіе, на наши стремяна, авось и вывеземъ!

Есаулъ, по совѣту Силкина, схватилъ одною рукою его стремя, другою мое, и въ этомъ положеніи мы пустились впередъ. Проѣхавъ добрыхъ четверть часа, мы увидѣли, что Черкесы были отъ насъ въ разстояніи не болѣе какъ на три ружейные выстрѣла; бѣдный же нашъ есаулъ, отъ усталости, едва переступалъ.

— Ваше благородіе! вы порядкомъ приустали; извольте сѣсть хоть теперь на моего коня, а я побѣгу; у меня ноги-то покрѣпче! сказалъ Силкинъ.

«Что ты дѣлаешь? развѣ не видишь, что Черкесы насъ догоняютъ! Впередъ, не мѣшайте, ради Господа! упаду, такъ туда и дорога! Спасибо за любовь, Гриша! Прощайте!» кричалъ задыхавшійся есаулъ, не позволяя Силкину исполнить и на этотъ разъ великодушное свое предложеніе.

Мы были ужъ на дорогѣ, но, къ неописанному своему удивленію, увидѣли впереди, на разстояніи не болѣе двухъ сотъ сажень, значительную толпу людей.

Вотъ тебѣ и на! Изъ огня да въ полымя!» не-

вольно вскрикнулъ я, «вѣдь впереди, кажись, тоже Черкесы?»

— Кажись, что такъ, ваше благородіе, но не велика важность! Вѣрно ужъ такъ намъ суждено, чтобъ сегодня, вмѣсто зайцевъ, развѣдаться съ этими черномазыми; по-крайней-мѣрѣ, вдоволь потѣшимъ себя; дешево не отдадимся, ваше благородіе, въ руки этой погони.

Такъ говорилъ Силкинъ, остановивъ свою лошадь, спустивъ съ сѣдла собаку, и снимая съ плеча ружье, и все это онъ говорилъ и дѣлалъ такъ спокойно, такъ хладнокровно, какъ будто бы готовился вступить въ бой съ зайцами, а не съ многочисленнымъ непріателемъ. Его примѣру послѣдовалъ и я, тоже снялъ съ плеча ружье, и уже приготовился дорого продать горцамъ свою жизнь, какъ вдругъ увидѣлъ, что гнавшіеся Черкесы остановились, столпились въ кучу, потомъ повернули лошадей и были таковы!

«Что это значитъ?» вскричалъ я въ изумленіи.

— А то ваше благородіе, что впереди не Черкесы, а наши, Русскіе, да и съ пушкой. Должно быть это почтовой конвой.

Силкинъ угадалъ: то была рота съ орудіемъ, конвоировавшая почту.

Мы вторично вырвались счастливо и благополучно изъ бѣды, въ которую попали, можно сказать, шалостью и невниманіемъ къ предосторожности.

— Вотъ, ваше благородіе, Черкесовъ такъ ужъ

*

можно назвать трусами. Тридцать шесть чѣловѣкъ не сѣумѣли схватить троихъ! промолвилъ Силкинъ, отдавая свою лошадь измученному есаулу.

«Прости, братъ, Силкинъ, обидѣлъ я тебя вчера своею шуткою; но, повѣрь, службы твоей и твоего великодушія я вѣкъ не забуду», сказалъ есаулъ, дружески пожимая руку храбраго казака, который спасъ его жизнь, сберегъ своего «Трезора», и съ тѣмъ вмѣстѣ невредимо привезъ зайца.

На послѣдней станціи къ Екатериноградской станицѣ, Силкинъ зажарилъ намъ своего зайца; мы съ особеннымъ наслажденіемъ его уничтожили, и, запивая чихиремъ, припоминали всѣ подробности минувшей бѣды. Во время бесѣды нашей, есаулъ А — въ произнесъ доселѣ въ памяти моей сохранившіяся слова, что всякій, служащій въ военной службѣ, долженъ всегда имѣть добрыхъ лошадей, особенно на Кавказѣ, и, въ подтвержденіе этихъ словъ, привелъ существующую на Руси пословицу: «когда добрый конь подо мною, тогда Господь надо мною!»

Не знаю, пускался ли онъ, послѣ этого случая, за Кавказскими зайцами; мнѣ такъ ужъ не удавалось за ними поохотиться.
